

Чеберяк Александр

Македонский

Германцы

Викинги

Александр Чеберяк

Македонский. Германцы. Викинги

«Издательские решения»

Чеберяк А. В.

Македонский. Германцы. Викинги / А. В. Чеберяк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833444-3

О том, как Александр Великий завоевал и стер с земли царства. О том, как мир содрогнулся, когда его не стало. О войне Рима со свирепыми племенами германцев. О викинге Роллоне, от чьих нашествий трепетала Франция. О море, песке, битвах, женщинах. Приятного путешествия, дорогой читатель.

ISBN 978-5-44-833444-3

© Чеберяк А. В.
© Издательские решения

Содержание

Македонский	6
Битва при Иссе	6
Битва при Гидаспе	8
В вечность	10
Германцы	11
Глава первая. Битва с германцами	11
Глава вторая. Славься, великий Рим!	17
Глава третья. Возмездие	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Македонский. Германцы. Викинги

Александр Владимирович Чеберяк

© Александр Владимирович Чеберяк, 2016

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3444-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Македонский

Битва при Иссе

Два войска стояли друг напротив друга. Дарий Третий и Александр, азиаты и македонцы. Раскосоглазые персы, бронзовые от загара египтяне, черные, словно уголь, нубийцы, львы пустыни, – и еще сто и одно племя, данники Властелина мира. Были здесь бактрийцы, даки, арахозийцы, скифы, карианцы, индусы, мардийцы, сирийцы, парфяне, саксы, гирканцы, албанцы, каппадокийцы – полмира вышло на битву.

Надо было начинать. Царь поднял правую руку и медленно, неуверенно опустил ее в сторону македонцев. Все было как всегда, но маленький червь сомнений грыз изнутри, пускал ростки страх. Дарий не мог понять причину. Уже корчился в муках с содранной кожей предсказатель, осмелившийся заявить, что боги отвернулись. Уже другие, спешно доставленные оракулы, пряча глаза, возвестили о победе и удаче – но комок страха не исчезал. Рука упала, и тысячи лучников степи выбежали из строя и натянули тетиву. Раздался свист, тучи смертоносных жал накрыли фалангу – свист повторялся еще и еще, воины подняли щиты. То там, то здесь из рядов выпадали, неосторожно подставляясь под крылатую смерть, бойцы, но их место сразу занимали задние, кирпичами закрывая бреши в стене-фаланге. Фаланге, которая сильна своим монолитом.

Последний вал оперенных вестников смерти прошел, выкашивая солдат, – наступило затишье. Из шеренги выехал всадник. Солнце, отражаясь от серебра доспехов, слепило глаза, алая накидка развевалась по ветру. Он закричал:

– Македонцы, посмотрите на небо! Тысячи и тысячи греков глядят оттуда на вас. Они требуют отмщения. И, клянусь Зевсом, они его получают. Мы кинем варваров на алтарь олимпийцев. Там, – рука Александра указала на персов, – там армия рабов и предателей, а мы, потомки Ахилла, свободны. Мы пришли расплатиться за гибель славных сынов Эллады. Каждый из вас стоит десятка. Помнишь, Клит, как мы разбили иллирийцев? А ты, Кратер, дрался, как Геркулес, с полчищами пэонов. Ты, Селевк, зарубил вождя фракийцев. Антигон, ты был лучшим в бою с беотийцами. Мы рвали хваленые священные отряды фиванцев, так неужели мы не порвем этот сброд?

Сорокатысячный рев ветеранов Филиппа ответил ему. Что и говорить, умел молодой царь убеждать. Еще вчера казалось безумием принимать бой против всей Азии. И мудрый Парменион, и остальные командиры пытались отговорить Александра, но сейчас они сами ревели со всеми.

Фаланга пошла. С задних рядов выбегали пельтасты, пращники и метатели дротиков обстреливали передний край персов. Африканская, лучшая в мире конница набирала разгон на центр македонцев. Египетские колесницы, наводившие ужас своими косами, приближались к фаланге – Александр ждал. Уже приняли его солдаты непобедимую доселе чернокожую кавалерию – повисли сыны пустыни на копьях ветеранов, словно лохмотья. Вал за валом встречал македонский еж всадников, лишь сбрасывая с колючек то, что было гордостью армии шаха.

Дарий сломал плетку и прокусил губу. Лучшие тысячи его войска разбивались об эту стену истуканов, как вода о камень. Фаланга гнулась, трещала, ломалась, но... стояла. Стояла назло всему. Брошены были под македонские жернова быстрые, как молния, кочевники Аравии. Подняты на копья и затоптаны колесницы, вырезаны под корень месопотамские наемники. Залило солнце полуденным золотом небо, а дети Средиземноморья все собирали свою кровавую дань. Показалось в тот день воинам шахиншаха: не фаланге смотрели они в лицо, нет – в бездонные очи призраков Тьмы заглянули они. Лишь немногие из уцелевших выли

в небеса – в недобрый час послал их царь на битву. И так захотелось вернуться домой и никогда уже не видеть сумасшедших, не знавших страха македонских мясников...

Дарий почувствовал, что смертельно устал. Захотелось в любимый гарем, где шоколадная Гурниса ласками избавит от тяжести в голове. Он поднял руку и отправил на смерть резервные, последние табуны. Александр понял: пора. Сейчас или никогда. Три раза прибывали гонцы от Пармениона, от ран падая с коней и шепча. Фаланга вырублена полностью, в строю треть – остальные заснули навсегда. Искандер кричал, собирая гетайров. Построившись клином, этерия поскакала в обход огромной армии шаха. Только это безумие могло спасти бой – с горсткой лучших воинов Александр собирался в центре врагов поразить Царя царей. Оставалось скакать и молить Ахилла, чтобы выстояла фаланга.

Левый край держался, а в центре охрипший, в крови Парменион отходил под навалом персов. Отходил, изрубая в куски эту вопящую орду. Копий больше нет – они в телах врагов. Щиты брошены – остались мечи, верные спутники ближнего боя. И где Александр?! Лучшая четверть лучшей армии мира приготовилась умереть. Они не бежали только потому, что понимали: так их убьют быстрее. Надо подороже продать свою жизнь – так положено воину, да и боги пусть полюбуются.

Дарий присмотрелся – так и есть. Македонцы, эти железные бесстрашные демоны, отступали. Еще чуть-чуть – и всадники Величайшего кинутся добивать этих упорных, дерзких гречишек, посмевших восстать (страшно подумать!) против диадемы персидских царей. Дарий злорадно прищурился и представил, как поджарит живьем захваченных в плен. Потом подумал, что сделает с Александром, – и содрогнулся. Да, битва выиграна. Но кто это осмелился орать у его колесницы, кому не жалко головы? Царь обернулся и не поверил глазам: из облака пыли, в спину всему его войску вылетали всадники, и впереди... Александр?! Или это сам Ахиллес несется на него, занося руку с копьем для броска? Пропело в воздухе древко, чуть правее – и не стало бы преемника Кира и Ксеркса. А так лишь холодок окутал спину да брат царя пересадил повелителя в легкую колесницу и погнал ее прочь от поля боя, навстречу страху, позору, бесчестию. Царь выл от бессильной злобы.

Кавалеристы Назарбана окружали порванные, изгрызенные остатки фаланги, когда этерия огромным клинком с алым всадником на острие расколола их пополам и принялась рубить. Прошлогодней травой опадали сыны степи к македонским копытам. В то же время на левом фланге Кратер остановил дрогнувших было новобранцев и с ревом повел их вперед. Скифы, увидев бегство Дария (могло ли такое быть, чтобы Бог убежал?), дрогнули, заметались – и началась резня. Долго бившиеся, разъяренные македонцы не были расположены к состраданию – с ледяной мрачностью гигантский еж забирал на колючки убегающих азиатов. Пошла легкая конница пластать сирийцев, парфян и саксов. Пельтасты подчищали объедки даков и мардийцев. Давно разодрана в ключья бактрийская кавалерия. И нет больше славной, расплющенной ветеранами Антипатра албанской конницы, сгнули под дротиками и камнями белозубые индусы. Не было больше армии шахиншаха. Были толпы беглецов, желавшие одного – уйти живыми. Кляня небеса и заснувших не вовремя богов, муравьями растекались по полю ставшие никем персидские вассалы, сурками уходили от свирепой македонской гончей.

Битва при Гидаспе

Они долго шли к этой битве. Они победили всех, кого можно победить и кого, казалось, нельзя. Они залили кровью степи Азии, горы Афганистана, предгорья и долины Европы – и только эта битва отделяла их от края Вселенной, и только она стояла стеной перед новым походом на Карфаген. Казалось, сама природа противилась им, насылая бури, засухи, неисчислимы, как болотная гнилая мошकारа, племена, – но и она, признав непобедимость, услужливой, податливой наложницей легла под несокрушимую армию Александра. Позади – два месяца ада проливных дождей, сотни умерших от ядовитых змей (несчастные, им не повезло, как подобает воинам, погибнуть в бою).

И теперь, хвала богам, сражение. Эти обветренные, обтесанные в битвах сыны Греции умели только одно – убивать. Смртоносная фаланга, обнажив копыя, безжалостным дикобразом прошла полмира, подмяв под себя Персию, Азию, Египет. Стерев с лица земли персидские полчища, разметав непобедимые армии скифов, парфян, даков. Низвергнув в пучину неизвестности царей, князьков, падишахов, сатрапов – и сея беспредельный ужас своей стойкостью, отвагой и мужеством. Ведомая потомком Ахилла (так возвестил оракул, да и кто бы сомневался после стольких побед), по праву сильнейшего ставшим правителем Азии, фаланга верила в него, себя, свою непобедимость – и горе было царству, лежащему на ее пути.

– Стань мне братом – или пеняй на себя, – любил говорить Искандер – и не бросал слов на ветер. Его любили, боялись, ненавидели, боготворили – и понимали: лишь он выведет их обратно домой, лишь его имя мешает восстать непокорным вассалам, лишь с ним даже новобранцы шли в битву смеясь.

Но – к бою. В тишине, обманув раджу, форсировали реку передовые отряды македонцев и построились клыкастым вепрем на берегу, давая время основным силам собраться в кулак. Сунулась было конница индусов опрокинуть их в воду – да так и осталась лежать, раскинув чалмы, на земле. Безумные, не знали они, что такое фаланга. А та построилась, оцетинившись копьями, и огромным безжалостным кактусом покатила сквозь джунгли.

Царь Пор кивнул, и навстречу грекам, грузно сотрясая землю, лениво выдвинулись слоны. Величественные гиганты неотвратимо приближались. Самый огромный, вожак стада, горой наплывал на фалангу. Разогнавшись, затрубил и кинулся на шеренгу гоплитов. Македонцы расступились, освобождая проход для метателей дротиков и пращников. Те закружили перед зверем мухами, осыпая его роем камней и копий. С задних рядов фаланги по остальным гигантам ударили лучники. Раздался свист, и стрелы выкосили возниц-индусов, попутно калеча глаза животных. Над полем разнесся рев боли, великаны взметнулись на задние лапы, скидывая будки с погонщиками и превращая их в пыль. Огромные бивни подбрасывали не успевших отскочить стрелков, многопудовые столбы с хрустом ровняли с землей тела – и солдаты дрогнули. Ни стальной Кратер, ни отважный Антигон, ни удачливый Птолемея, сын Лага, – никто не мог прекратить отступление. И лишь многолетняя выучка, дисциплина и семнадцать тысяч миль побед позволили отходить организованно. Напрасно с пеной у рта Кратер орал:

– Стоять! Держать строй!!!

Звери хоботами хватили людей, подкидывали, рвали на части. Спасти, спрятаться от разъяренных исполинов! Еще миг – и все в панике, бросив оружие, побегут. Тогда – конец. Зачем все это было нужно, зачем было приходить сюда, на край земли, победив полмира, усыпать путь трупами сынов Македонии... и проиграть! Когда до цели, грез юности – один шаг! В центр боя ворвался всадник, подскочил к слону и ударом меча отсек хобот. По рядам воинов пронеслось:

– Александр!

И те, кто был спиной к врагу, обернулись. Два воинства замерли. Буцефал, верный друг с юности, взлетел перед слоном и принял удар копья махараджи, спасая хозяина. Второе копье, пробив латы, сшибло всадника. Конь и человек рухнули.

– Царь ранен! Спасайте царя-я-я, – рычал Кратер, вырубая просеки среди леса индусов. Войско, сатанея от стыда за бегство, рвало, сминало, крошило в кашу, продираясь к вождю. Его уносили с поля, а ветераны, страшно хрипя, шли дальше, мстя за минутную дрожь. Кратер мечом снес голову индусу. Селевк, увернувшись от стрелы, рубанул по коню. Лисимах, раненный копьем, достал дротиком погонщика. Антигон обломком щита рассек горло махарадже, упавшему со слона. Птоломея сбили с ног, и охранник раджи вогнал клинок ему в плечо, пригвоздив к земле. Птоломей, зверея от боли, отсек ему ногу и, вскочив, вогнал меч в грудь орущему варвару.

Фаланга по колено в крови наступала под крики умирающих. Слоны метались, топча македонцев и своих. И новый накат фаланги. Сотни копий кололи животных в хоботы, глаза, животы. Новые тучи стрел, камней, дротиков. И слоны, обезумев от боли, лишённые погонщиков, дрогнули, развернулись и побежали. Побежали на свою же набирающую разгон конницу. Две лавы схлестнулись, слоны вспороли конскую массу, оставив борозды и погасив разбег удара. И горе было жалким, потерявшим порядок остаткам кавалерии, доскакавшей до фаланги. Опрокинула, растерла, не заметила. Как нож в масло, македонское бревно вошло в армию Пора и, увязнув, начало ее вырезать.

В вечность

Бог умирал. По взмаху его руки сметались царства, сносились горы – и эта рука не могла ничего, плетью свисая с ложа. Хрип вырвался из его руки – мир замер. И сквозь сон Бог слышал, как соратники шептались, срываясь на крик, – кому достанется царство. За окном войско раскачивало Вавилон, цепenea от ужаса: что будет, если он... не проснется?! Вакханалия пьяных оргий и поножовщины помогала забыться, но с утра возвращался страх. Тела пехотинцев находили в канавах, жители боялись выйти на улицу – армия таяла в раздорах. То там, то здесь рубились насмерть солдаты из-за красивой персиянки, неосторожно брошенного слова. Командиры стояли, оглушенные, готовые схватиться за мечи, разрезая, как пирог, империю.

Главный лекарь повесился, предпочтя спасительную веревку хрусту костей под крики толпы. К остальным трясущимся врачевателям приставили стражу, не спускавшую глаз. Персидские сатрапы и индийские лживые раджи, признающие силу и ничего более, готовы к восстанию и... Кто? Кто отведет их домой? Кто пригнет к македонскому копыту варваров, осмелившихся роптать? Кто одним словом соберет в стальной кулак распоясавшуюся, перепившуюся фалангу и поведет ее к новым победам, женщинам, золоту?! Даже враги и завистники приносили обильные жертвы в храмах – он должен жить. Иначе начнется такое – самые смелые боялись подумать и передергивали плечами.

И лишь Александр знал: не болезнь и не чаша с ядом – олимпийцы зовут к себе внука Ахилла, требуя расплатиться за взятую на себя ношу. Он понял: пора. Не будет похода на римлян и Карфаген. Не дойти его славному войску до края Вселенной. Плата – короткая яркая жизнь, полная славы, почета, триумфа. Боги исполнили договор – он стал царем царей, пора ему присоединиться к ним и с Олимпа наблюдать войну. Сорокалетнюю войну брата против брата. Все было напрасно. И с грустью Бог видел, как рвала сама себя закаленная армия, становясь песком в степи, орошая бесценной греческой кровью бескрайние просторы Азии. Конница на фалангу, Селевк на Антигона, Кассандр на Лисиимаха. Запятнана честь македонского оружия – за пригоршню золота предан и казнен благородный Эвмен, забита камнями кровавая мать, сгинули от рук наемных палачей жена и сын. Фаланга загрызла себя в бешенстве междоусобицы. Растаскана империя, равной которой не было. Его родная, с детства нелюбимая хмурая Македония растоптана и смята, обесчещенной девкой лежит перед захватчиками. Кости непобедимой армии высохли на полях сражений.

Все это увидел Александр, корчась в конвульсиях. Началась агония. Ветераны, бесстрашные, изуродованные в битвах ветераны обступили его и умоляли:

– Кому, кому ты оставляешь все...

И Бог, верный себе, одним словом бросил мир в хаос:

– Сильнейшему...

Германцы

Глава первая. Битва с германцами

Империя наступала. Римский орел жадно простер свои хищные крылья над миром. Держава раздувалась, беременея новыми замыслами и рожая новые походы. Она расплзалась все дальше и дальше, куда хватало взглядов, не думая, сможет ли проглотить, а проглотив, переварить новые обширные территории. Рим много ел; и для этого половине мира приходилось много работать и гнать бесчисленные обозы по запыленным бескрайним дорогам. Тысячи тысяч телег с провиантом, рабами, мрамором, сукном... да много с чем – все было нужно ленивому обжоре Риму. И неужели мало? Да, мало. Римский волк, разогнавшись за добычей, уже не хотел, да и не мог остановиться. Сметя Карфаген, приручив Египет, Испанию, часть Африки, Галлию, Фракию, все италийские племена, и греческие, и еще многие; подавляя бесконечные беспощадно-кровавые восстания непокорных народов, он вплотную придвинулся к северным окраинам Европы. Был один сосед, войны с которым Рим избегал сотню лет, но сейчас оставлять на своих границах столь дикие и буйные племена было уже нельзя.

Ту битву нельзя было выиграть, как и почти все битвы с вышколенным, железным строем римлян. Германцы дрались отчаянно. Волосатые, с диким блеском глаз, с детской радостью смерти в бою; любой из них стоил пары-тройки римлян в давящей мясорубке. Не было бойцов, так же презирающих боль, холод, смерть. И тогда они бились достойно, и тогда даже женщины плевали в лицо римлянам, получая меч в живот.

Стояло пасмурное, промозглое утро, когда римская стальная змея, охватывая лес, растекалась по оврагам, пригоркам, залескам. Вождь германцев, гигант с руками-бревнами, сжимая громадную палицу, заорал. Приподняв щит, он издал особый звук – баррит; этот слоновий крик еще пару сотен лет будет наводить ужас на старушку Европу. Лес ответил сотнями... нет, тысячами таких же звуков. У римлян, шедших впереди, противно засвербело внутри. Слишком знаком им надрывный трубный рык, от которого цепенели неопытные воины, а опытные поеживались: «Проклятые варвары». Разносился этот жуткий стон, и горе было племени, слышавшему его. Сотни косматых чудовищ вылетали из леса и крошили мечами, палицами, топорами. Каждое из них, брызгая пеной, бесноватое, с жадностью кидалось в толпу чужаков (как будто боялось, что враги кончатся и ему не хватит). Под этот крик соседи-галлы, кичившиеся своей смелостью, мышами забивались в норы и боялись пискнуть, пока те, прожорливые и ненасытные, забирали все и не спеша угоняли повозки с награбленным добром. Вождь заорал еще, и с лесистого склона, набирая разгон, в звериных шкурах понеслись разъяренные варвары. Он во главе кабаньей морды, взвинчивая скорость, отбросил щит. Крылья кабана раскрывались – по флангам, выравниваясь с вождем, летели со страшными длинными копьями-фрамами, в медвежьих и волчьих масках поверх голов самые отборные, бешеные дружинники и родичи предводителя. Кровожадный трубящий клин неотвратно приближался. Большинство римских новобранцев обмякли при виде мохнатого стотонного катка, который вот-вот нахлынет, сомнет, раздавит. И только спокойствие ветеранов, не раз спасавшее римского орла, да цепкий, всевидящий взгляд центуриона победили слабость внизу живота и дрожавшие мелкой рябью колени.

Первый ряд римлян встал, германцев накрыл шквал дротиков и стрел; уже умирая, утыканные иглами, как ежи, они добежали до легиона, отталкивались ногами и камнем в прыжке проламывали строй, подминая под себя легковесных солдат. В воздухе, напарываясь на мечи, в агонии, тяжелой кувалдой с размаху за удар успевали замесить в кровавую кашу троих врагов; и на земле, истерзанные, затопанные, намертво впивались зубами в ногу солдата, калеча

навсегда. В бреши, пробитые первыми, влетали другие лохматые дьяволы и за миг орущей мельницей дробили четкую римскую стену, расшатывая дыры. Напрасно римлянин поднимал щит – пудовый молот колот его, как орех, втоптывая в землю. То там, то здесь лопалась римская шеренга, оголяясь пещерами. Германцы прыгали на копья и, хохоча, с выпученными глазами умирали. Даже мертвые, они внушали ужас; и шедшие позади легионеры благоразумно добивали их на всякий случай.

В центре ядро варваров во главе с вождем смяло передний строй римлян – разогнавшиеся кабаны длинными тяжелыми копьями, за раз протыкавшими до двух человек, как жуков, пропахали полосу; и, не в силах вытащить ставшие бесполезными неуклюжие палки из обмякших тел, схватились за ножи и топоры. Куда щуплому римлянину тягаться в давящей толкотне мясобоини с матерым варваром, в безнадежно-жуткой сече – с плечистым лесным великаном! Для германца же это – родная стихия. Они будто плясали, посвящая себя Водану, суровому богу воинов. Четыре ряда римлян осталось до просвета, чуть-чуть – и конец когорте. Но не зря центурион Ксандр ест хлеб, и не зря его ценит консул. В последние, решающие все ряды поставил он отборные, надежные, как гранит, прошедшие галлов, фракийцев, африканцев и еще черт знает кого, самые стойкие части. И не зря за последней шеренгой в середине оставил в резерве он пять когорт. Встречался же раньше с германцами Ксандр и давно узнал цену адскому, сминающему все на своем убойном пути тарану варваров по центру, который разнес тогда в щепки непобедимую хваленую армию. С позором был вбит в землю гордый римский орел, и страшны были медвежьи морды, преследовавшие его, Ксандра, и жалкие остатки легионеров. Именно за ту битву был разжалован Ксандр. Его передернуло от воспоминаний; крик дикарей вернул в настоящее.

Завязшие в строе кабаны с поразительной ловкостью делали римлянок вдовами: ударом в шлем сминалось железо, а под ним спелой тыквой лопалась голова. Но и маститые, все видевшие ветераны Рима недаром прошли полмира. Была переколота через шкуры короткими римскими клинками треть варваров – азартному запалу противостояло хладнокровие. То там, то здесь медведь, занесший тяжелый меч, попадал под ловкий, выверенный нырок легионера – и в груди торчит рукоять, и душа германца несется к Водану. Падая, обессиленный, он успевал напоследок до пояса развалить обидчика – и со спокойным сердцем улетал пировать к предкам. Чаши весов выровнялись. Темно-бурая смесь варваров вливалась в стальную римскую кашу.

Консул вдалеке мерил поляну шагами. Взмыленные гонцы мчались со всех сторон – он, не слушая, гневным окриком «Что-о-о?!» отгонял их прочь. И так все ясно, к чему испуганные, бредовые, невнятные доклады? Все решалось уже не здесь – там, там, где по колено в крови гнила римская гордость. Растерянные гонцы, не выпросив помощи или даже приказа, уносились прочь, бледные, к таким же растерянным центурионам.

Консулу вдруг захотелось не командовать армией, нет; легче исполнять чьи-то приказы, легче в бою. Цена ошибки придавила немислимым, непосильным грузом. «Помоги мне, Марс», – вяло попросил консул, зная, что никто ему не поможет. Лес, разгневанный грубым вторжением римлян, сердито выплевывал все новых и новых кошмарных германцев. Измотанным легионерам казалось: деревья рожают косматых упорных бойцов; еще немного – и не знавшая поражений прославленная римская линейка треснет и разлетится на осколки. Дрогнули шестой и седьмой ряды, и только острия копий, упертые в спину своих же, римлян, да грозный рев консула перебороли желание бросить щит и бежать, бежать, бежать. И уже совсем обреченно смотрел римский командир на битву. Против неполного легиона варваров пришлось выставить – свидетель Юпитер! – три, три полновесных легиона. И, несмотря на то что половина дикарей не добегала до строя, тот, кто миновал стрелы, копья, мечи и вгрызся в когарту, уносил по пять – семь человек на конце топора или палицы. «Треклятые демоны! Так я останусь без армии». Он резким кивком подозвал центуриона, глянул пустым, невидящим взором и указал на вождя германцев.

– Ксандр, возьми лучших людей, делай что хочешь, но убей этого медведя; или мы все останемся в этом лесу. Ты меня понял? – Консул вопросительно поднял бровь. Центурион ухмыльнулся – он не дурак, давно все понял, иначе и не приказал бы ты, консул, именно ему. Легко сказать – убей медведя! Ксандр с манипулой всадников вперемешку с пехотой помчался к холму. На холме с залитым кровью лицом стоял великан-урод. Его громадная палица ухала полукругом, мозжа конские головы. Вторым ударом он милосердно отправлял всадников к праотцам. Римлян двадцать уже венком распластались вокруг; хрипели кони, в судорогах копытами добивая всадников. Из рваной раны в бок вождя стекала на землю породистая алая кровь. Справа и слева от него, оберегая дощатыми щитами, обитыми кожей, умирала поредевшая гвардия. Центурион рысью приближался.

Аларикс, сын вождя, такой же высокий, русоволосый, с орлиным носом и гордой посадкой головы, с набухшими буграми мышц, бился недалеко от отца. Он выбросил руку с мечом – опытный римлянин, ветеран, в последний момент каким-то чудом уклонился, а другому римлянину клинок снес голову. Грозное оружие, любимое с отрочества, мелькало в руках Аларикса. Меч прыгнул в плечо солдата, чвякнув, – германец с силой выдернул его и отскочил в сторону от всадника. С приседом, хлестко рубанул по коню; тот, заваливаясь на бок, уронил седока. Кулак Аларикса с двух ударов превратил лицо солдата в бордовое желе. Он легко вскочил. Острая боль прошила тело. Меч римлянина обжег спину, раскаленной вспышкой прокрался под шкуркой, и пеленой сдавило виски. Аларикс упал. Клинок солдата вспорол землю в ладони от головы. Рука наугад поймала ногу, Аларикс дернул ее на себя, как букашку, и, еще слепой от боли, на ощупь нашел горло солдата своими железными пальцами.

Запасы леса иссякали. Варваров-бульжников оказалось слишком мало для римской стены. Не веря в чудо, армия потопталась и пошла вперед. Римский стальной удав, охватив германцев кольцом, сжимал объятия. Все меньше и меньше звериных шкур металось по лесу, все меньше и меньше раздавалось родных криков. Аларикс увидел отца, окруженного всадниками, – те с десятка шагов бросили дротики. Вождь, гигантский дикобраз, покачнулся, упал на одно колено. Безрассудный римлянин, решивший прославиться, подбежал слишком близко с занесенным мечом. Вылет палицы раздробил колени. Вождь вложился в последний удар и опрокинулся на живот. Центурион на скаку спрыгнул с коня и вогнал меч в спину великана; вогнал еще и еще, вышибая фонтаны крови. Аларикс, шатаясь, бежал к холму – поздно. Тело, совершенная машина мускулов, до этого не устававшая никогда, от коварного удара сзади предательски подвело. Последнее, что увидел Аларикс, – лицо Ксандра, с усмешкой смотрящее на него.

– Этот как? – Центурион откровенно любовался сложением варвара.

– Мертвее не бывает, уже на пути к Эребу, – процедил старый ветеран, указывая на рваную спину. – С него крови налило, как со слона.

– Я говорю – добей. – Центурион подошел вплотную, обдав винным духом.

– Исполню, – недовольно подчинился ветеран, осатаневший от тяжелейшей битвы. Ксандр удалился, и ветеран проворчал в усы:

– Тебе надо – ты и добивай, я уже оружие почистил. Ты-то вина успел попить, а у меня маковой росинки во рту не было со вчерашнего дня. И так яснее ясного: варвар остыл, или я не видел жизни.

Сознание возвращалось по капле. Спину будто изгрыз медведь. Тело заоченело, превратившись в статую. Аларикс разлепил веки. Удар в голое мясо раны клюва огромного ворона заставил судорогой изогнуться туловище. Германец зарычал; ворон, недовольный, с обидой отпрыгнул к другой жертве. Лес был усеян трупами воинов, над которыми начинали свой тяжкий труд крылатые падальщики. Ослабевший от потери крови Аларикс попытался встать. Холодный пот прошиб от перенапряжения. Он стиснул зубы от стыда за свое бессилие, попробовал еще раз. «Отец, почему я не погиб вместе с тобой? Неужели мне, как собаке, суждено

умереть вот так? Только не это. – Глухой стон вырвался наружу. – Духи леса, огня, воды, только не это». Он попытался ползти – тщетно, словно кто-то сверху колом пригвоздил его к земле через раскаленную спину. Германец затих, в кровь кусая губы. Отдышался, осмотрелся вокруг. На залитом луной холме мелькнула тень – он напряг зрение, пытаясь разглядеть ее. «Кто бы ты ни был, подойди и добей – дай умереть как воину». Он заревел, сначала тихо, потом все громче и громче. Тень шархнула в кустарник. Аларикс от отчаяния впился зубами в землю. Спустя вечность от кустов медленно отделился темный силуэт и пугливо, осторожно стал подкрадываться к нему. Германец ждал – щуплая тень приближалась. Ребенок, вот подходит ближе – нет, девушка, совсем юная гибкая девушка из его племени. Он вспомнил ее, вспомнил и как посмеивался, ловя на себе восторженные, восхищенные взгляды. Она всегда выходила провожать их в походы; и столько нежности, обращенной к нему, било из этих голубых глаз. Она узнала, вскрикнула и бросилась рядом на землю.

– Аларикс! Все, все мертвы; а ты...

– Т-с-с-с, – засипел германец. – Воды...

Тень пропала и скоро вернулась с римской флягой. Аларикс жадно приник к сосуду, глотая красное ароматное вино.

– Разбавленное, – хмыкнул он. – Римляне как женщины: портят водой такое золото.

– Тихо, молчи. – Она увидела рану, пропитанную кровью шкуру – ее пошатнуло. Но Верда быстро пришла в себя.

– Тихо, – властно и твердо сказала она. – Я скоро. Только не вздумай умирать, слышишь?

Вино живительным бальзамом ненадолго согрело суставы, и Аларикс провалился в целебное забытие. Его короткий сон потревожили шум костра и девушка с кувшином пряных трав. Она улыбнулась – светловолосая, стройная, с огромными голубыми глазами, упрямой струной губ.

– Зашью рану.

– Так зашивай, мне надо спешить. – Аларикс попытался встать.

– Куда? Ты говорить не можешь.

Она впервые за свои шестнадцать зим почувствовала себя счастливой. Счастливой от того, что спасает единственную надежду племени, надежду, которая нужна как воздух. Она упивалась властью над этим беспомощным великаном, таким далеким и недоступным раньше – и близким, родным сейчас. Она живо принялась за дело, недаром ее бабка, одноглазая Гурнара, еще в детстве поведала ей секреты заговоров, настоев трав, залечивания ран. Верда зашила большущую, с ровными краями дыру, наложила противно пахнущую мазь, обвязала сверху мхом, заставила выпить душисто-горячий настой – как мать у постели ребенка, металась Верда вокруг Аларикса. Ночь, день, ночь... или день? Он спал, пил, пил, спал. Иногда, в бреду от бессонницы, ей казалось, что не вырвать из цепких лап смерти этого беспомощного, исхудавшего исполина; слишком бледен был Аларикс, и плохое, неровное дыхание колыхало его могучую грудь. Тогда она с утроенной силой гнала зловещие мысли, порывисто, с демоническим блеском глаз срывала с себя одежду и, прислонившись к самому большому дереву, просила духов о чуде.

Ночами Верда не спала, окружая наспех сооруженный шалаш кольцом костров, через которые не решались прыгать волки. К утру, измотанная, она ложилась рядом с мокрым от жара, терпко пахнущим германцем и, стыдясь саму себя, просовывала руку под шкуру, впервые глядя мужское тело: «Мой, мой, мой...» Римский короткий меч всегда лежал рядом. Три дня и две ночи метался Аларикс от мира живых к миру мертвых; наконец, очнувшись, впери в нее тяжелый, давящий взгляд серо-стальных глаз – духи леса услышали девушку. Она сначала понемногу, потом все больше и больше совала ему в рот куски мяса, траву, мятых муравьев. На пятую ночь германец учился ползать, на седьмую, как новорожденный, пошел, а через долгие десять дней после битвы отвыкшая рука встретилась с родным мечом.

– Тяжеловат, – хмыкнул Аларикс. И тут Верду прорвало. Сквозь безудержные рыдания слышался шальной хохот, сменяющийся всхлипываниями. Потом она рухнула без чувств на подстилку, где и проспала беспробудно от рассвета до заката под благодарным взглядом германца.

– Где тело отца?

– О нем позаботились, – ответила девчонка.

– Наши?

– Ушли вглубь леса.

– Римляне? – выпытывал Аларикс.

– Разбили лагерь за озером. Нашим нужен вождь, – с робкой надеждой заглянула она в глаза.

– А мне – римлянин, – отрезал Аларикс. – Послушай, женщина, племени не нужен вождь, не отомстивший за отца. Ты спасла меня. – Он погладил ее волосы. – Иди и скажи остальным, чтобы ждали. Скажи всем, – палец Аларикса уткнулся ей в нос, в голосе зазвенел металл, – пусть будут готовы. Пусть гонцы обойдут племена, старейшины соберут советы и не теряют римлян из вида. Я, Аларикс из рода Теодориков, знаю, как победить. А кто тебе не поверит, – страшно сверкнул глазами германец, – я сам скоро буду. Луна два раза нальется и опадет. Иди, – отправил кивком в сторону леса. Потом внимательно посмотрел, шершавой ладонью провел по щеке.

– Иди, красивая, как весенний лес, женщина сейчас мне только помешает.

Скупая ласка вождя придала смелости.

– Иди, – выкрикнула, передразнивая, Верда. Ее губы задрожали, кулачки сжались. – Я спасла тебя, и в награду требую положенного.

Германец нахмурился.

– Хм, и какую же награду ты хочешь от потерявшего все? – Горько усмехаясь, Аларикс подошел вплотную. Глаза в глаза.

– Сына. Сына от вождя, – не веря словам, слетевшим с языка, покраснела девушка.

– Я еще не вождь.

– Ты им будешь.

– Ты что, видишь будущее? – недоверчиво закачал головой германец.

– Да, – серьезно ответила Верда. Вождь застыл, рука легла на ее плечо. Она прижалась и шепнула: «Мой...» Он растерянно смотрел, не зная, как поступить. Медленно провел рукой по ее спине – одежда зашелестела вниз, открывая острые груди с коричнево-розовыми сосками, упругий живот и треугольник – пушок волос. Верда легла, раскидав стройные ноги, и закрыла глаза. Германец, раскачиваясь, тараном проникал в распахнутые ворота под шапкой-треугольником. Девушка схватила его за шею, Аларикс прижал ее к себе узлом рук – они одновременно вскрикнули. Лес подхватил этот крик и понес дальше.

На следующее утро он старательно обошел поле боя вместе с Вердой, собрал оружие, включая римское, вырыл большую яму и накрыл ее сверху кучей хвороста.

– Ладно, мне пора. Иди, красивая, я не забуду, что ты сделала.

Она уткнулась ему в грудь.

– Все напуганы. Только ты можешь объединить оставшихся.

– Сейчас – нет. Они суеверны, и разговоры ни к чему не приведут. Вот когда они услышат о победах...

– Но – как? Ты один, – напомнила Верда.

– Я ухажу, чтобы не быть одному. Если я сейчас вернусь, начнутся бесконечные советы старейшин, болтовня, все передерутся, и римляне передавят последних, как зайцев. Я должен прийти хоть с небольшой, но победой; а кто пойдет за проигравшим, неудачником среди равных? – объяснил германец.

– Ты не только силен, но и умен.

– Приходится. Я бы с большим удовольствием дней пять провел здесь, на тебе.

Она стала пунцовой – германец расхохотался.

– Ладно-ладно, уйду.

Шаг, второй...

– Вождь, – тихо произнесла вслед Верда, – я не знаю, когда ты вернешься. Может, – она опустила глаза, – для верности мы еще раз попробуем... ну, чтобы наверняка?

Вождь широко улыбнулся. Верда была намного смелее, чем в первый раз, и долго скакала на изумленном германце. Неугомонная распоясавшаяся девчонка так заездила Аларикса, что он только на следующее утро смог покинуть лагерь.

Глава вторая. Славься, великий Рим!

Клавдий ликовал. За пару десятков лет скитаний по миру во славу Рима он не помнил такой трудной битвы. Даже себе, щадя самолюбие, не хотел признаться: был момент, что, казалось, все. Только он, да, пожалуй, опытейший Ксандр, затаив пульс, поняли, на каком тонюсеньком волоске сегодня висела победа; и, слава богам, ветер качнул этот волосок в сторону Рима. Клавдию было за пятьдесят – прямой нос, решительная, тонко-сжатая линия рта, волевой, резко очерченный подбородок. Высокий, худощавый, похожий на старую, но еще крепкую мачту – в нем чувствовался стержень, присущий людям, рожденным править. Вошел Ксандр.

– Ну, проси чего хочешь – в разумных пределах, разумеется. – Клавдий сделал широкий жест. – Да, кстати, ты опять переведен в офицеры – приказ будет позже. В армии ты второе лицо, после главнокомандующего.

– Не стоило. Я лишь исполнил свой долг.

Высокий плечистый Ксандр сам мало походил на римлянина – скорее, на варвара – невольно поймал себя на мысли консул. Твердый взгляд, широкие плечи, вечно хмурое, обветренное лицо – старый рубака, который ничего, кроме как воевать, и не умеет.

– Ну, твоя скромность равняется твоей доблести. На таких, как ты, и держится армия.

– И на таких, как ты, консул.

– Да, Ксандр, да. Эти боровы в сенате, торгующие должностями, когда-нибудь погубят Рим. Дайте, боги, не дожить до этого дня. Слушай, старина, я мог бы похлопотать – безбедная старость и усадьба в Испании тебе обеспечены. А? Что скажешь, вояка?

– Нет, консул, – закачал головой Ксандр. – Я старый солдат и покою предпочитаю лязг мечей. Когда-нибудь, в прекрасный солнечный день, я сгину где-нибудь на краю земли, не зная за что. По приезде в Рим – да продлит Юпитер его дни! – позаботься о моих стариках; о себе я позабочусь сам. Но, конечно, немного денег никогда не помешает – любовь стоит дорого.

Консул усмехнулся.

– Военная касса к твоим услугам. Рад был воевать с тобой.

– И я, консул, – расчувствовался солдат.

– Выпей вина – говорят, самое лучшее.

Ксандр отхлебнул.

– А ты чем займешься?

– Искупаюсь в славе и уйду на покой.

– Я думал, ты более честолюбив, – сказал Ксандр.

– Лет пятнадцать назад – может быть. А так... Не хочу повторить судьбу Цезаря. Мне надоели эти бесконечные походы, осточертела и визгливая суэта Рима. Я устал носить орла по миру, разбивая все новые и новые народы, которые, впрочем, вполне прекрасно живут и без Рима. Двадцать лет я был карающей рукой империи – хватит, пора на отдых. Буду разводить виноград...

– ...И пробовать новых рабынь? Есть ли уголок на земле, куда не заглядывал твой алчный взор?

Клавдий кивнул.

– У каждого свои слабости; и, клянусь Меркурием, моя слабость ничуть не хуже других. Да, пока не забыл. – Голос консула стал суровее. – Сюда едет новый главнокомандующий. Вся надежда на тебя – претор болван. Когда-то он с целым легионом разогнал сотню пьяных пастухов Фракии – и возомнил себя Помпеем Великим. Ты, и только ты в ответе за жизни парней – и я тебе не завидую.

Верда вернулась в племя понурая – не так, лежа в шалаше с Алариксом, она представляла свое возвращение. Она нашла избушку старейшины; постояла, раздумывая, на крыльце

и, решившись, прошла внутрь. За вместительным столом, угрюмо свесив головы на могучих шеях, в тяжелых, черных мыслях сидели остатки воинства; последняя его сила и спасение. Все молчали. Что говорить – иногда молчание гуще и красноречивее тысячи слов. Верда и сама сейчас услышала глухую боль в этих опущенных головах; ощутила и разделила наравне с мужчинами тревогу за будущее, которого могло и не быть. Она почувствовала себя неловко.

– Ну, что тебе? – без церемоний спросил старейшина.

– Я от Аларикса.

– Во как! Аларикс, сказывают, давно уже там. – Глаза старейшины показали наверх.

– Нет, вовсе нет. – Улыбка осветила красивое лицо девушки. – Он жив.

– Жив? – Старейшина посмотрел с сомнением. – Ты сама видела?

– Да, я выхаживала его десять дней.

– Клянусь водой, если бы меня выхаживала такая красотка, я не торопился бы к предкам, – бросил один воин. Остальные, усмехаясь, кивали. Румянец украсил щеки девушки, мужчины засмеялись.

– Хм, – одобрительно глянул старейшина. – Ну и что Аларикс?

– Он передал, чтоб уходили дальше в леса и были готовы...

– Что дальше в леса – ясно и младенцу. Готовы к чему?

Все, теряя терпение, уставились на Верду. Что несет эта девчонка и где, действительно, храбрый, сильный, как медведь, но такой непредсказуемый, да простят духи леса, Аларикс?

– К войне с Римом.

– Ха-ха-ха, – кисло рассмеялись воины. – Аларикс выбрал дурное время для шуток. То ли его слишком сильно ударили по голове, то ли ты свела его с ума. Ладно, иди отдыхай, ты принесла радостную весть. Да, кстати, а где он сам? Сейчас он нужен как никогда.

– Пошел к римлянам – наверно, следит за ними. Он сказал, что должен отомстить за отца. Воины переглянулись, Верда выскользнула.

– Что скажете, достойнейшие? – Старейшина обвел всех взглядом.

– Надо уходить, угонять скот, запастись дичью.

– Да, вглубь леса. Сделаем засеки – ни человек, ни конь не пройдет, – высказывались по одному.

– А Аларикс?

– Он знает, что делает. Ненависть и боги помогут ему, – изрек воин с глубокой бордовой канавой на лице.

– Прав ли он, гоняясь за римлянами, когда племя брошено? – спросил старейшина.

– Не нам судить – он поступает, как велит закон. И когда раздастся его клич, моя палица поможет ему, – уверенно произнес воин со шрамом.

– Я не о том. Жалко, если такой боец пропадет ни за что. – Старейшине невдомек, что все-таки задумал сын вождя.

– Ты знаешь, мы с ним недолюбливаем друг друга, но вот что я скажу. Если сейчас кто-то что-то и может, то только Аларикс.

– Почему? – Интерес блеснул в хитрых глазах старейшины.

– Он всегда был особенный, странный, что ли. Ему не хватало законов – пытался что-то найти, сделать не так. Мы – предсказуемы, а он – нет, – объяснил воин со шрамом.

– Наверно, ты прав. Но он молод, – спорит глава.

– А вот это как раз и неплохо. Опыт помогает ходить, но мешает летать, – упорствует Левбор.

– Ладно, сделаем так. Отправим женщин, стариков и детей с десятком воинов на север – в семи днях пути посреди болота есть обширная роща.

Верда шла по улице. Десять дней заботы о вожде сделали из беспечной девушки взрослую, серьезную женщину, полноценного члена племени. Она вспомнила его запах, тяжесть

тела – сладкой, новой истомой задурманило голову. Как он смотрит своими серыми, холодными, как туман, глазами! Что с ним, где он сейчас? Забегали нехорошие мысли. Да нет, все нормально – не для того поднялся Аларикс в шалаше, чтобы тут же сгинуть. Надо ночью сходить в рошу, попросить за него. Верду грубо схватили под локоть. Дребомир, молодой парень с колючими глазами и бегающим взглядом, не дающий последние полгода девушке прохода, вырос как из-под земли.

– Отпусти, – сжалась Верда.

– Не гони меня – мужчин мало. – Он улыбнулся скользко, с намеком.

– Мужчины легли там. – Девушка махнула на лес. – А не мужчин, – она пробежала по нему глазами, – и даром не надо.

– Ты, девка, сирота, как смеешь так разговаривать со мной? – Дребомир напрягся.

– Ты с женщинами, я смотрю, отважный; только в битве тебя никто не заметил.

Дребомир пошел пятнами.

– Меня лихорадка била, а ты поберегись. За тебя некому заступаться, и ты станешь моей. Будешь извиваться подо мной. – Он схватил ее за плечи и дернул к себе. Неожиданно Дребомир побледнел, опуская взгляд вниз. В его живот уперся нож.

– Слушай сюда, сын свиньи, – зашипела Верда. – Знал бы ты, навозная куча, кто может за меня заступиться! А если когда-нибудь ты еще раз подойдешь ко мне, то я сумею насрать на тебя лихорадку, и в этот раз самую что ни на есть настоящую.

– Значит, правда, что про тебя болтают?

– Правда, правда; и не советую проверять.

Дребомир, опасливо озираясь, с видом побитой собаки отошел – Верда ругнулась. Как люди недоверчиво-пугливы к тем, кто общается с лесом! И тебя же первую зовут на помощь, случись недуг. Да, люди суеверны, как сказал тогда Аларикс. Только ему одному все равно, будет знамение свыше или нет, как будто он сам бог. Для него бог – полоска стали в руке. Верда снова в мыслях улетела в шалаш.

Назавтра скрытно, без лишнего шума племя родами покидало облюбованные предками места, проклиная неумных римлян. Люди последний раз оглядывали взглядом родные поляны, стараясь запомнить их, и с вечным страхом к переменам трогались в путь. Что там ждет, на новых местах? Хотя германцам не привыкать. Еще кимвры, тевтоны, амбры, теснимые водой (или жаждой неизведанного), снялись и кинулись в путь, продолжая цунами племен по Европе, – и вряд ли отыщется нация, где не присутствует малая капля германской крови. И правы историки, утверждавшие, что прародителями свирепых викингов тоже были германцы, осевшие на скалистых просторах северных полуночных земель. И тогда становятся понятны беспримерная смелость сынов Севера, неутомимая страсть к далеким походам, сражениям – и не будет равных им бойцов, способных выстоять с не знающим жалости викингом один на один, кроме, пожалуй, такого же безбашенно-лихого в драке русича. Но это потом, лет так через семьсот – девятьсот.

Когда стемнело, Верда вышла на тропу и, не оглядываясь, уверенно зашагала в черноту деревьев. Лишь раз, обернувшись и заметив крадущуюся за ней фигуру, улыбнулась краешком губ. Вспомнила о цели – губы сложились в упрямую струну. В племени давно привыкли к странностям девушки, тем более что ее доброта и отзывчивость вызывали всеобщее уважение. Ну бегают девка в лес, ну и пусть, никому ведь от этого не худо. А что странная... Да кто в лихое время не странный? Что она не такая, как все, Верда узнала рано, в детстве. Как-то вечером на пути встал, оскалившись, матерый волк – шерсть дыбом поднялась на загривке. Зверь зарычал, готовый броситься на маленькую, беззащитную жертву – слюна с клыков протянулась к снегу. Верда застыла, смотря хищнику прямо в глаза; в голове застучало: «Уйди-и-и...» И серый, вдруг заскулив, махнул в кусты, как от проклятой. Потом, взрослея, Верда обнаружила, что мысли людей для нее прозрачны; и как-то раз, смотря на пастуха, шепнула

про себя: «Домой». Пастух, исправный и надежный до сей поры, бросил стадо и во сне засеменял в селение через бурелом. Девушка так же легко повернула его назад. Бабка подтвердила ее опасения:

– Ты не такая, у тебя – сила. Но запомни: никто не должен знать, никто. Иначе заклюют.

Верда шла, думая о своем, – фигура кралась следом. Вот и поляна. Она скинула льняную накидку, подошла к дереву, зашептала. Дребомира бросило в жар от обнаженного силуэта. Луна облизывала спелое, созревшее тело Верды – в полумраке ее формы казались волшебными, тянули, тащили к себе. Он прерывисто задышал. Вспомнил обидные слова, презрительную улыбку – ярость с похотью, борясь меж собой, толкнули к ней. Дребомир на ватных ногах подкрался, поднял ткань, вдыхая сводящий с ума запах. Под ногой хрустнула ветка. Верда обернулась.

– Стой, – сонно сказала она. – Посмотри мне в глаза, – почти ласково, настойчиво попросила. Дребомир против воли подчинился – взгляд ее пробрался внутрь, щекоча голову. Он попытался отвести глаза – не удалось. Дребомир будто прилип, растворился в змеиных угольках глаз Верды. – Я не просто так позвала тебя за собой. Твоя сестра рассказала все.

– Ты – позвала?

– Да. Теперь говори, зачем ты собрался к римлянам?

Дребомир, как бык, отгоняющий слепней, замотал головой, стряхивая оцепенение, – глаза змеи жгли, клещами вытягивая правду.

– Я так и думала. Ты не мог силой и отвагой завоевать достойное место в племени и решил всех сдать в обмен на золото и меня. Глупый, трусливый – ни то, ни другое не принесло бы тебе счастья. Ты стал бы изгоем, твое имя прокляли бы все – но я спасу тебя от позора.

– Спасешь? – еле выдавливая слова, заплакал Дребомир.

– Да. Дай сюда нож: он больше тебе не нужен.

Пальцы сами разжались.

– Теперь, – скомандовал голос, – иди прямо, никуда не сворачивая, прямо-о-о...

Слова гнали вперед. Он рванул напролом, продираясь сквозь ветки. Ноги стали вязнуть. С трудом выдергивая их из жижи, проваливаясь все глубже, Дребомир шел на голос: «Иди-и-и...» Дурман спал, звук смолк – Дребомир очнулся по пояс в густой каше болота. Он рванулся – мутная жижа не отпускала, заглатывая глубже. Веером разошлась рябь, когда парень начал метаться, расшатывая вонючее тесто. Грязь подступила к горлу. Дребомир дергался – нет, зловонная липучая каша намертво склеила туловище, засасывая в яму. Над болотом разнесся отчаянный крик.

Пять дней он шел через лес. Шел и вспоминал детство, юность. Первого врага он убил в восемь. И пусть это был раненный кем-то из взрослых кельт, решающий, смертельный удар нанес Аларикс. Теперь он понимал: это отец, дабы сын поскорее влился в мир воинов, приказал родичу подставить уже умирающего, неопасного противника под Аларикса, но все равно. После этого пришли уверенность в себе, зависть старших мальчишек. Аларикс видел все как вчера. Рыжий длинноволосый воин, шатаясь, надвинулся горой, закрыв солнце. Он хватал ртом воздух, его синее раскрашенное лицо со вздутыми жилами на лбу страшно. Кельт идет, припадая на ногу, и заносит меч. Брат отца кивает мальчишке, готовый тут же прийти на помощь.

Алариксу немного страшно. Он зажмуривается, бросается наугад под жуткого дядьку и всаживает кинжал ему в живот. Кельт падает. Мальчишку колотит, его обступают воины. Сам отец гогочет, хватая на руки, подкидывает вверх. И он понимает – свершилось. Теперь он равен этим бородатым грозным мужчинам, он – один из них. Как было легко тогда, все ясно и просто! Несколько раз в год набеги на треверов, батавов – Аларикс с нетерпением ждал каждого. И вот старый мир сломан. Отца больше нет, две трети лучших германцев уже никогда не сожмут топор, оставшиеся прячут глаза, как обесчещенные прилюдно девы. «Водан, я

понял. Клянусь, ты не пожалеешь, что не дал согнуться в позоре. Теперь – понял». Мысли стали чисты, как синее небо. Аларикс присел спиной к дереву. «Ты, и только ты. За тебя некому. Ты», – шелестела листва. «Я знаю». Он еще не полностью окреп, но... С каждым шагом, с каждым свежим куском кабанины тело копило утраченные силы – наливались былой упругостью потрепанные мышцы. На шестой день он набрел на костер, вокруг которого сидело десятка два бородатых воинов. При его появлении они вскочили, хватаясь за топоры.

– Аларикс! – Хмурые лица просветлели. – Говорили, ты погиб.

– Еще не время.

На лица набежала тень.

– Что нам делать? В своем лесу мы как воры, лучшие перебиты.

– Что делать? – задумался предводитель. – Скулить, как собакам, и зим тридцать прятаться от людей, чтоб те не тыкали пальцем: «Вон те, кто опозорил честное имя германцев». И тогда даже рабы будут плевать вам вслед.

Головы опустились. Кто-то скрипнул зубами. Повисла тишина.

– Или...

– Или что? – встрепнулись воины.

– Или ваши сыновья скажут: «Да, это были лучшие бойцы в мире». Они расскажут детям своих детей, как те, улыбаясь смерти, бросались в битву. Кто хочет постыдную старость в постели, зная, что сегодня может шагнуть в вечность?

В отблеске костра грузные фигуры вскочили с горящими глазами, обступили Аларикса. Самый пожилой, с сединой германец обнял его.

– Веди, вождь, и не рассказывай никому, как мы, свесив башки, позволили страху затмить разум.

– Я пока не вождь, совет не выбрал.

– Выберут, никуда не денутся, – потряс топором седой. – Я помню тебя ребенком, я первый вложил в твою руку меч – дай же старику честь умереть, сражаясь справа от тебя.

Вождь улыбнулся.

– Погоди умирать, старина, у нас много дел. Если бы все убитые тобой могли говорить, они поведали бы, что палица в твоей руке по-прежнему крепка. Слушайте все. Римляне сильны, организованны, прекрасно обучены, они – лучшие солдаты в мире, после нас, конечно. Но... В нашем лесу, поодиночке они слабы. Мой раб, грек Деметрий, рассказывал о Скифской войне.

– Это как?

– Война набегами, без открытого боя, с порчей коней, ночными нападениями, отступлениями.

– Нам, германцам, отступить? – с вызовом крикнул молодой, горячий Тевтобид.

– Да, если так будет надо. Назови это отходом, чтобы заманить в ловушку. В общем, я вам обещаю трудную работенку, еще обещаю кучу римлян.

Аларикс обвел всех испытующим взглядом. Пожилой, Дар, произнес:

– И то правда, давно пора помахать мечишком.

– А ты, – взгляд вождя уперся в Тевтобида, – запомни: мои приказы не обсуждаются. Ясно?

Тевтобид, не выдержав, кивнул. Дар сказал:

– Но римлян – тьма.

– Уже нет. Консул посчитал, что война закончена, и половину отправил в Рим.

– И сколько осталось?

– Сорок по сто, – не моргнув, соврал Аларикс. Большинство все равно не умеет считать, да и ни к чему это воину. От правды часто болит голова. Дар понял и спрятал в усы улыбку. – Почему не ушли в племя?

– Как раз собирались. – Дар задумчиво гладил бороду. – Но, я так думаю, теперь мы остаемся?

– Ты правильно думаешь. – Они оба захохотали, остальные германцы громко подхватили.

– Лугий, ты поширишь в лесу в трех днях пути – кого встретишь, сюда. Ты, Багорик, караулишь римлян. Всем спать. Пять остается здесь, я с остальными к римлянам.

Лагерь скоро захрапел. Лес склонил ветки, оберегая сон своих неразумных лохматых питомцев.

– Вождь, обоз, – шепнул Багорик. – Подарок римлянам готов.

– Вижу. Скажи всем – главное, чтобы никто не ушел, слышишь – никто.

Меж холмов на дороге показался обоз из пяти возков. Кони тяжело волокли прогнувшиеся телеги. Полтора десятка всадников ехали рысью позади. Пластины доспехов резали глаз на солнце.

– Давай, – махнул Аларикс. Надрывный, тягучий треск – и вековой дуб обрушился на первый возок, раздавив крякнувшего возницу и намертво закрыв проход. Позади еще не успевших ничего понять римлян с таким же треском хлопнула ель. Тут же со склона на их головы пролился каменный дождь, дробя кости. Солдаты спешили, подняли щиты – сверху сыпались камни. Аларикс зауважал противника, глядя, как он молча погибает. «Поэтому римский орел и побеждает...» Когда в живых осталось пять солдат, вождь лениво кивнул вниз – молодым германцам не помешает размяться. Со склона в ущелье покатались, ревя, кривоногие бойцы.

– Куда?! – взревел Дар, но было поздно. Юный безусый германец опрометчиво набегал на щиты – копьё легионера выскочило между лопаток. Так с наивной улыбкой и пропал, не отведав даже прелестей какой-нибудь озорной германки, так и не пожил. Багорик, отбив выпад копья (в последний момент рука отвела нацеленное в грудь древко), чиркнул мечом землю у ног солдата – тот, обманувшись, уронил щит. Взмах другой руки из-за спины – и римлянин с топором в переносице валится навзничь. Тевтобид с разбегу бросил молотом в щит – солдат опрокинулся. Припал к земле, подхватывая молот, с размаху уронил его на шлем вставшему противнику, сам пропуская удар копьём в плечо, – Дар, смотревший с пригорка, сказал:

– Ничего, умнее будет.

Один из молодых, мощный Косориг, атаковал римлян с двух рук, топором и ножом. Солдат выбросил меч, целя в лицо, – германец, полуразвернувшись, роняя нож, поймал руку, впечатал головой в нос и в уже оседающего, поплывшего римлянина вколотил топор – хрипя, с красной пеной, солдат ненавидящим взглядом просил добить. С последним легионером пришлось повозиться. Окруженный с трех сторон, обреченный на смерть, он сам ею плевался. Поворотом корпуса принимая удары, парируя, уходя от них, полоснул потерявшего осторожность Багорика, поймал на край щита Косорига – германец выплюнул зубы.

– У нас мало времени и людей, – недовольно заметил Аларикс. Дар кивнул, кряхтя, швырнул дротик.

– Зачем ты рисковал молодыми, ведь можно было перебить и так?

– А я думал, ты понимаешь. Одно дело – закидать камнями, другое – в бою. Гляди, как раздулась у них грудь. Теперь всем расскажут, как победили непобедимых, приврут, что каждый одолел по десятку. А ты и поддакивай: да, мол, слабоваты римляне против наших.

– Хитер, хитер, – одобрил Дар.

– Вождь, там вино, припасы и это...

Темное, как сажа, существо испуганно лопотало. Воины обступили, трогали.

– Вроде баба, только больная или порченная.

– Хилая, вон руки как веточки – такая работать не сможет. Да и по-нашему не понимает. Что с ней делать, Аларикс?

– Что-что? С горы скинь, отблаговари духов леса за победу. Тьфу, и зачем римлянам всякая дрянь?

Неведомое существо с протяжным криком полетело вниз, смешно дрыгая ногами, – духи леса будут довольны.

Консул Клавдий последнее время часто бывал не в духе. Творилось непонятно что: то обоз пропадет, то табун лошадей неизвестно куда исчезнет. Только-только отправил Клавдий в Рим один из двух легионов с радостной вестью об окончании изнурительной, непосильной войны с германцами; только заслужил он почести, славу и похвалу сената за нужный, своевременно важный в другом месте, на другом конце света свободный легион – началась какая-то чехарда. «Ладно, дела сданы, варвары разбиты, пора в родную провинцию – претор пусть разбирается здесь». Оставшийся на границе гарнизон быстро усмирит жалкие шайки волосатых дебоширов. А дома... Дома Клавдия ждет триумф, красивая молодая жена, сын, податливые, в совершенстве владеющие умением ублажить господина, белозубые крепкотелые эфиопки, не знающие усталости в постели. И где там эта нумидийская рабыня, об изысканных ласках которой все распространялся Гарпал и которую гурману Клавдию обещали прислать с ближайшим обозом? В избу влетел центурион.

– Германцы!

Консул от неожиданности подпрыгнул:

– Какие германцы?

– Там, в лесу.

Консул внимательно присмотрелся.

– Ты пьян, Граний? Ну-ка, подойди.

– Никак нет, командир. Мы с сотней солдат пошли за дровами. Доспехов, конечно, не надели, но все, как ты распорядился, взяли мечи. Они налетели со всех сторон – половину перебили сразу, остальных – потом.

– А ты? – допрашивал консул.

– Я на лошади был неподалеку, когда услышал шум – вижу, варвары добивают раненых.

– Так, – пронзительно взглянул Клавдий. – А теперь – правду.

Центурион замялся – консул смотрел в упор.

– В общем, есть там у меня молоденькая германка. Когда я прискакал, все было кончено, клянусь.

– Кто знает о том, что это были именно германцы? – выпытывал Клавдий.

– Три солдата еще были живы.

– Сколько их? – Консул терял терпение.

– Около ста.

– Так, – крепко задумался Клавдий. – Вот что, Граний. Я знаю тебя давно, с твоим отцом я бился плечом к плечу. Да и ты всегда первым шел в атаку. Если сейчас до Рима дойдет весть, что сотня германцев у нас в тылу вырезала нехотя вооруженную манипулу... – Клавдий покачал головой. – Ты знаешь, что я, как командир, обязан сделать с дезертиром, который бросил своих солдат?

Граний побледнел, растерянно глядя на консула.

– Что же делать?

– Не знаю. – Консул быстро соображал. Откуда взялись, будь они неладны, германцы? Неужели не добиты? Да нет, скорее всего, в панике солдаты ошиблись. Нарвались на кочующих в поисках наживы разбойников, утратили бдительность. Но одно имя германцев способно все изменить. Нет, не здесь – там. Как некстати именно сейчас! Морщины съежились на лбу консула. Его триумф, слава таяли, как дым, затягивая возвращение. Сенат будет в бешенстве. И вся слава мигом обернется потоками грязи, вылитой на его, Клавдия, голову. Все горлопаны Рима, толстозадые сенаторы и прочая гражданская шелуха, ни разу не побывавшая в бою, будет тыкать пальцем и вопить о чести, достоинстве, долге. Консулу даже стало худо. Так... Претор прибыл сегодня, назавтра Клавдий покинет, провались она в тартарары, эту забытую богами

границу империи. А если у претора и возникнут трудности, это даже на руку Клавдию. «Да, при консуле-то был порядок, а стоило появиться этому...» Клавдий, забыв о центурионе, хохотнул и потер руки.

Бледный, потерянный Граний мысленно попрощался с карьерой и приготовился к трибуналу. Теплилась призрачная, крохотная надежда, что суд учтет его былые заслуги и заменит бесславную казнь на... Это как боги решат, один из них стоит напротив.

– Где те трое, что видели германцев?

– Все умерли. – Опустил голову от стыда.

– Ну-ну-ну. – Консул обнял, как сына. – Значит, так, но только в память о твоём отце.

Он вытащил меч центуриона.

– Терпи, солдат, в гладиаторской школе похуже будет.

И полоснул по шее и ребрам Грания – кровь моментально хлынула ручьем.

– И запомни: вы, славные сыны Рима, отчаянно бились с двумя сотнями... нет, с тремя сотнями кельтов. К ним подоспела подмога, они забрали своих покойников. Ты, дождавшись ухода, вылез из-под кучи тел. Ты понял – кельты, кельты пришли грабить германские... тьфу, что я говорю? Теперь уже римские земли. К-е-л-ь-т-ы... И по возвращении в Рим я упомяну о твоём мужестве в сенате.

Растроганный Граний бросился на колени, целуя руку.

– Встань. И запомни: в память о погибших никогда, слышишь, никогда не бросай своих, – до боли сдавил его голову консул. – Иди, а то и вправду умрешь от потери крови.

Граний выскочил вон, Клавдий прищурился. Какая-то тревожная муха сомнений закопошилась в мозгу, какое-то недоброе предчувствие. Ты просто устал, консул, лесные грязные бродяги уже давно унесли ноги. А если нет, им же хуже. Случись им попасть в лапы Грания, кожу снимет с живых, лично спросит щипцами с каждого – уж в этом консул уверен.

Весть о набеге кельтов мигом облетела лагерь. Были посланы пять манипул вдогонку – те как в воду канули, забрав оружие погибших римлян. Своих с почестями проводили в последний путь – Клавдий в присутствии претора произнес пламенную речь, завещал тому отомстить (претор кивнул) и под одобрительный рокот солдат покинул лагерь. Караулы удвоили, местность причесывали конские дозоры. Рим пышно праздновал победу над германцами.

Глава третья. Возмездие

Аларикс объезжал окрестности, встречаясь со старейшинами. С каждым из них он подолгу спорил, топая ногами, срываясь, бывало, на крик, подмасливая, хитря, угрожая.

– Племени нужен вождь, – твердо чеканил Дар.

– И что будет делать вождь – заберет последних воинов, оставив в селениях женщин и стариков? А если уже узнавшие о нашем поражении галлы решат пограбить обескровленных соседей? Да, раньше одно наше имя заставляло трепетать самых сильных, и недалеко ушло бы племя, осмелившееся напасть на германские земли, но сейчас? – Старейшина боролся с отчаянием.

– Не нападут – здесь римляне, – убеждал Аларикс.

– Но ты поссоришься с ними! Заберешь молодых, сильных, которыми и так удобрена земля в этом году, которые и так на вес золота. И ты сам знаешь: римлян – море; в случае проигрыша, когда оставшихся ты угробишь в тяжелейшей битве – а по-другому не будет – римляне покарают последних. В случае выигрыша цена победы все равно будет непомерно высока. У нас нет сил драться с орлом. Племя не выживет без воинов.

Аларикс встал.

– Верить, что я разобью римлян? Посмотри вокруг. Мы не хозяева нашей земли. Мой отец говорил: «Лучше умереть волком, чем жить собакой». Неужели тебе, германцу, не стыдно смотреть людям в глаза, зная, что ты предал павших?

Старейшина отводил глаза.

– Твоя правда, Аларикс. Но я думаю о своих людях – что будет с ними? В какую кашу ты нас кинешь? – сомневался он. Гордый нрав воина боролся с осторожностью старости.

– Понял. И чтобы тебе и всем доказать, что не безрассудному мальчишке вы доверяетесь, я клянусь дорожить каждым воином. Я не хуже тебя знаю цену германскому мясу – сам стучался к Водану.

– Ну и как?

– Не пустили – сказали, рановато. – Они скупно посмеялись. – Верь. – Аларикс железными пальцами впился в плечо. – Я не безумец, чтобы снова вепрем кидаться на римские копьа.

– Ты что-то знаешь, или кто-то подсказал, – грозил пальцем опытный, много видевший старейшина.

– Знает, знает, – подмигивал Дар. – Если я, старик, иногда прошу у него ума в долг.

Весть о победах Аларикса над закованными в железо римлянами расплзлась по землям, из уст в уста, приумноженная, обросшая домыслами – «а Аларикс с сотней разбил десять», моментально пробуждала ото сна поникших германцев. По всем селениям затаившие на империю обиду варвары точили мечи, мастерили щиты; а когда он сам во главе своей немногочисленной дружины появился в начищенных до блеска римских доспехах, все, даже любопытные, вездесущие дети, высыпали на улицу. Аларикс ехал на вороном коне; большой меч сбоку, топор у пояса, римский надежный щит. Из ниоткуда появилась Верда, пошла рядом, любуясь Алариксом. Он свесился с коня.

– Красивая, может, еще раз, ну, чтоб наверняка?

Она, счастливая, залившись краской, загадочно-жарко зашептала:

– После совета племен буду ждать. – И нырнула в толпу. Германец улыбнулся, вспомнив шалости в шалаше. Дар подъехал справа.

– Все готово, пошли.

Самые знатные, мудрые и влиятельные члены племен съехались на совет. Обычно каждое племя само решало свои дела, но сейчас – особый случай. Надоело свободолюбивым германцам прятаться; и где – у себя, на своей земле! На поляне образовали живой круг – Ала-

рикс пробежался взглядом по лицам. Многих он убедил, но еще больше выжидало. Ревность одного племени к другому, набирающему силы; старые размолвки; наконец, римляне – некоторые надеялись отсидеться за спинами соседей. Да, у половины горели глаза, а вот другая смотрела из-под насупленных бровей – и неверие, подозрительность сквозили во взглядах. Дар подтолкнул Аларикса в центр.

– Давай!

– Уважаемые, не буду ходить вокруг да около, скажу лишь – пора.

– Да, Аларикс, – привстал самый старый вождь, – сегодня не время для слов – говори дело. В нашу берлогу залезли и не хотят уступить.

– Скажу дело. Я, и только я знаю, как отбросить римлян; поэтому, не мешкая, решайте. – Аларикс скрестил руки на груди.

– Я так понимаю, ты спрашиваешь, быть ли тебе главным в походе на римлян?

– Да.

– А что взамен? – допытывался вождь.

– Что тебе надо взамен, старый кувшин? – выступил Дар. – Только за ним пойдут воины. Ты просил без слов, но я скажу. Взамен – честное имя германцев, взамен – слава и честь, взамен – римский меч тебе в живот. Не гневи Водана – не тебе, старику, торговаться сейчас.

Все загалдели:

– Молод, горяч... Нет, только он... Подальше в леса...

– Тихо! – нарушая многолетние традиции, взревел Аларикс. – Если прямо сейчас вы не примете решения, то я приму его за вас. Я пройду по селениям, силой заберу бойцов, переблю без жалости тех, кто возит припасы в римский лагерь, и сожгу все на своем пути.

– Ты угрожаешь? Мы тоже можем драться. – Недобрый огонек засветился в глазах.

– И тогда мы перебьем друг друга, и эта кровь будет на вас, – тихим, страшным голосом пояснил Аларикс. – Готов ли к этому ты, а быть может, ты. – Он развернулся. – Я же клянусь, – он сунул руку в костер, – что завтра так и сделаю.

– погоди, Аларикс, не все еще готовы. – Самый старый вождь снова встал. Он вытащил из пламени его руку.

– Тебе она сгодится, и очень скоро. Пусть часть подумает; но никто, – замычал он, обводя всех бычьим взглядом, – никто не посмеет тебе мешать. Что же насчет меня... – Он хитро сощурил глаза, оценивая Аларикса, и взорвался:

– Да, провалиться мне тут, да!

– Да!

– Да!

– Да! – понеслось по кругу.

– А взамен – полное подчинение, – добавил Аларикс. Резать, так до конца. – Только так мы выиграем.

– Мои воины слушаются только меня, – приподнялся длинноволосый гигант, поигрывая бугристыми плечами.

– У тебя больше нет воинов. – Аларикс выхватил нож и прыгнул. Гигант выбросил руки навстречу, Аларикс пригнулся.

Руки великана поймали воздух, Аларикс снизу вверх пырнул, потом еще, всаживая нож по рукоять в грудь. Хрипя, тот выкашлял струю темно-бордовой крови, гулко втыкаясь в землю.

– Я сказал – полное подчинение. Сегодня же, как вернетесь, пришлите всех, всех до единого воинов сюда, снабдив едой.

Вечером, уже вождем, Аларикс ввалился к Верде в избушку.

– Ну, какую награду ты хочешь сейчас?

– Ты же. – Она с разбегу прыгнула на него, обняла, повисла. – Я так боялась, что ты не вернешься! Пошли, я тебя обмою: пахнешь, как лошадь.

После она жарко дышала под грузным вождем, проверяя того на выносливость.

С утра они все никак не могли проснуться. Заспанная Верда была особенно красива.

– Я знала, что выберут тебя.

Аларикс усмехнулся.

– Духи сказали?

– Да. Ты надолго? – Она придвинулась к нему.

– Завтра уходим.

– Завтра, – погрустнела Верда. Потом улыбнулась – озорные искры мелькнули в голубых глазах: – У нас целая ночь впереди – и попробуй меня одолеть.

Она щебетала, готовя завтрак, – вождь вернулся домой. Он слушал светловолосую жрицу – и ком теплоты подкатывал к горлу. Давно так спокойно не было на душе. Под ночь Верда опять лукаво стреляла взглядом – он схватил ее, потащил на кровать. Она немного, чуть-чуть, распалая его, посопротивлялась, когда сильные руки стащили одежду. Резко толкнула, взобралась, оседлав, сверху. Девчонка заскользила по нему, обжигая кожу губами. Прерывисто дыша, прижалась острыми грудями – Аларикс смял ее сочно-выпуклые ягодицы, плюща в ладонях. Пылающее личико Верды, туманно-пьяный взгляд – вождь перевернул, как пушинку, навалился. Осторожно развел в стороны ноги и, толчком ворвавшись внутрь, стал раскачивать кровать. Верда обхватила ногами спину – с ее губ сорвался стон. Аларикс с размаху, нависнув над ней, вогнал себя, как меч, – мокрая, разбухшая пещера раздалась и вобрала без остатка оружие воина, юркнувшее в скользкий грот. Аларикс обмяк – Верду била дрожь. Как клещами сжимая шею, она долго не выпускала его из себя, жадно отнимая и впитывая силы и соки.

– Ты совсем отбилась от рук, – жаловался вождь. Верда, довольная, прятала лицо.

Римский гарнизон мирно спал. Опершись о древки копий, зевали часовые. Из темного леса появились тени. Несколько фигур, пряча в горшках тлеющие угли, с разных сторон лагеря незаметно подкрались к бревенчатому частоколу. Следом выросли из-под земли тени с вязанками хвороста, позади них ползли воины. Огонь лизнул бревна разом со всех сторон гарнизона. Часовые заметили, глянули вниз – оттуда, невидимые в дыму, ударили топорами и дротиками. Половина дозорных со стуком и стонами попадала вниз; остальные, задетые, корчились внутри стен. Новые вязанки хвороста приползали под бревна, ветер размазывал огонь по стене, гоня выше. Крики часовых услышали в крепости. Топот сапог по лестницам, лица в шлемах готовы к бою.

– Воды, быстрее!

Тени отползли от лагеря и пропали. Претора разбудили:

– Атака! Варвары под стенами!

Он спросонья долго соображал, мутным взором смотря на офицера. Ксандр нагнулся и по слогам загудел в ухо:

– Нас атакуют!

Претор, проклиная все, натягивал доспехи. И так уже три дня снились какие-то немислимые, панические кошмары. И так со вчерашнего обеда жутко, нестерпимо болела голова. И вдобавок ко всему, как ни старалась вспотевшая куртизанка Лаверия ночью, так и не смогла расшевелить безжизненную, поникшую от чревоугодия и возлияний плоть претора – а, как поговаривали в Риме, Лаверия могла разбудить и мертвеца. Претор вспомнил, как она попрощалась, почтительно склонив голову, направилась к выходу – и в зеркале мелькнула ее насмешливо-брезгливая улыбка. Взобравшись на стены, страдая от одышки, претор взгляделся в ночь – ни звука, только дым ел глаза.

– Отступили, – загудел Ксандр. – Сегодня больше не сунутся.

– Клянусь Меркурием, консул не зря торопился в Рим. Завтра, слышишь, прочеши все окрестности. Да потушите вы, наконец, стену!

– Чего они хотели? – гадал Ксандр. – Ладно, разберемся утром.

Аларикс из леса наблюдал.

– А если не выйдут?

– А ты бы не вышел? Медведь в ярости, когда его кусает собачонка...

– Ну-ну.

Дар с недоверием смотрел на ворота крепости. Глянул на гордый, хищный облик вождя. Вообще, если он сказал, что выйдут, то очень может быть.

– Выйдут, – читая мысли, Аларикс улыбнулся Дару. И было что-то в этой улыбке-оскале такое, от чего седой германец поежился. – Выйдут. Пусть наши заканчивают ров.

Утра ждать не пришлось. Спустя пару часов, когда встревоженный гарнизон успокоился и провалился в вязкую негу сна, вновь под стены полезли варвары. Вновь в часовых полетели дротики, не причиняя урона. Вновь с трудом просыпался разомлевший от бессонной ночи лагерь, и вновь титаническими усилиями поднимали вконец очумевшего претора.

– Ну что там еще? – ревел наместник. – Разрази меня гром, если это опять варвары, они дорого заплатят.

Он спросонья тыкался во все углы, устало взбираясь наверх. Ксандр громохал следом. Вдалеке, у самой кромки леса, в предрассветных сумерках стояло войско. Виднелся неправильный квадрат римских щитов.

– Римляне? – Не веря глазам, претор обернулся к Ксандру.

– Нет, конечно, скорее всего, кельты в захваченных трофеях. Сотен пять – семь.

– А-а-а, кельты, – злорадно прищурился претор. – Сомни этот сброд конницей и пригони сюда хотя бы сотню живыми: я должен в цепях провести их по Риму.

– Претор, – твердо ответил Ксандр, – тут дело нечисто. Кельты, конечно, сумасшедшие, но не идиоты, чтобы так подставляться. Я бы вывел тихонько две когорты через северные ворота, впереди – разведчиков, и через час мы возьмем их в клещи.

Претор, брызгая слюной, заорал:

– Это приказ! Какие-то разукрашенные грязные обезьяны режут наших солдат, плюют Риму в лицо и, обнаглевшие, являются прямиком ко мне в руки? И я, наместник империи, буду играть с ними в войну? – Налитые кровью глаза буравили Ксандра. – И запомни: сотня нужна живой, – сквозь зубы бросил претор.

Конники бряцали оружием. Их командир, щуплый бесстрашный Плиний, презрительно смерил взглядом блестящие вдалеке щиты. Всадники вспоминали невинно пропавших товарищей и с каменными лицами прыгали на коней. Еще немного – и те, кто стоит там, хвастаясь трофеями, будут смяты, раздавлены, развеяны пылью, и этого мало за дерзость. А оставшаяся в живых сотня – приказ претора – позавидует мертвым, позже они сами будут молить о милосердной смерти, но нет. Сначала с ними позабавятся солдаты, а после... До Рима их будут беречь, заботиться, чтобы в дальней дороге, не дай бог, кто не захворал или не умер в клетках. А там... Рим умеет ласково, понемногу карать наглецов на потеху толпе. Будет тебе сотня, претор, подожди чуть-чуть.

Ворота лагеря распахнулись, и оттуда тягуче полилась закованная в железо конница. Она построилась, с копытами наперевес, и, шипастая, двинулась, набирая разгон. Аларикс ждал. С самого вечера, как стемнело, приказал он копать глубокий ров у края поля. Перед этим рвом одновременно ползали воины, на две сотни шагов втыкая заостренные колья. И ров накрыт сверху тонким слоем кустарника. Как знать, не заболит голова у претора – может, и не было бы нелепой атаки конницы на потайную канаву. Но и у северных ворот ждал подарок римлянам – сегодня он не пригодился. Сотня шагов осталась – слышен грохот копыт, земля гулко ходит под громоздкой кавалерией. Пятьдесят – щиты подались назад, вытягиваясь в шеренгу. «Что-

то не так...» – пронеслось в голове командира; его конь споткнулся. Римлянин с ходу врезался в землю, ломая позвонки. Рядом, слева и справа, сыпались кони; доспехи, сминаясь, пороли плоть. Оставшаяся невредимой половина всадников с разбега, который не остановил бы и сам сенат, влетела в скрытый ров, корежа ноги, спины, головы. Конский крик боли прорезал воздух. Щиты ринулись в канаву, добивая раненых.

Претор со стены наблюдал за поступью кавалерии, самодовольно улыбаясь, и так и остался стоять с отвисшей челюстью.

– Ксандр, провалиться мне в Эрб, что происходит? – Ошалелые глаза с мольбой смотрели на офицера.

Боль за нелепую гибель солдат плясала во взгляде Ксандра.

– Нету у нас больше конницы; не-е-ету, – надрывно застонал вояка. Претор еще долго стоял наверху, посылая проклятия безмолвному лесу. Часовые, видевшие близко его лицо, отшатывались. Он в эту ночь постарел лет на двадцать. Черты обострились, седина пеплом посыпала волосы. Походкой старика, шаркая, спустился он со стен. Полночи пил неразбавленное вино, под утро его сморило. В кошмаре увидел претор падающую, ныряющую в преисподнюю конницу и грозное лицо консула: «Что ты доложишь в сенат? Полководец, называется! Ухлопать несколько сотен отборной кавалерии! Да за это на галеры, гребцом!» Под вечер ему стало плохо – командование принял самый опытный из офицеров, Ксандр.

В римском лагере запахло унынием. Оно пропитало воздух, тараканом забираясь во все углы. Солдаты стояли хмурые, дисциплина зашаталась. Да еще претор, ходивший по краю рассудка, ночными протяжными воплями не добавлял твердости духа. Ксандр не спал уже третьи сутки, бегая по гарнизону. Вошел Граний.

– Командир, у меня дурные вести.

– А что, – кисло улыбнулся Ксандр, – последнее время бывают хорошие? Выкладывай.

– Германцы перестали подвозить провиант.

Ксандр застыл.

– А вот это похлеще поражения будет. Видимо, до них дошли слухи о наших неудачах. Сдается мне, это были не кельты – тех мы давно приручили. Да и драться-то по-настоящему они не способны. Ну поплюют, покривляются издалека. При одном нашем появлении всегда удирают. Граний, – в глазах Ксандра был лед, – необходимо с особой жестокостью провести карательную экспедицию, чтобы и после нашего ухода варвары нами пугали детей. Наведайся в лагерь германцев, сожги несколько селений и попробуй захватить в плен охотников – те хорошо знают местность. И аккуратнее в этом лесу.

Граний ушел, Ксандр поднялся на стены. Последнее время ему казалось, что враждебный лес наблюдает за ним, ожидая его, Ксандра, ошибки, и тогда, торжествуя, наступит, задушит в еловых объятиях. Ксандр напряг красные от недосыпа глаза, всматриваясь в зелень, – и поймал ненавидящий далекий взгляд. Или почудилось?

– Ну-ну, – бросил офицер. Он тряхнул головой, сбрасывая хандру, и пошел искать Лаверию. Где эта кудрявая темноволосая фурия с вздернутым маленьким носиком, пухло-вишневыми губами, самой природой созданными для сладострастия? А шальной бедовый взгляд бездонных, словно колодцы, глаз? Наверно, не один и не два, а гораздо больше молодых, неискушенных юношей потерялись, раз заглянув в эти колодца. А ее фигурка! Часто солдат, застряв взглядом на ее гордо выпученных вперед шлемах-грудах, забывал, куда шел. Еще хуже было, когда хрупкая спина Лаверии, проплывая мимо, размахивала танцующими шарами – половинками зада на точеных ногах. Сам консул – все знают – не устоял против чар куртизанки, быстро, впрочем, насытившись. Неудивительно, учитывая ее характер. Насколько природа щедро наделила ее тело, ровно настолько же обделила умом и кротостью. Раз связавшись с Лаверией, человек до конца жизни мог вздрагивать при упоминании одного ее имени. И вообще, она дурно действует на солдат. У себя в комнате Ксандр кинул ее на кро-

вать, небрежно сорвал одежду. Пламя свечи танцевало на бело-розовой коже куртизанки, прыгая со стройных бедер на плоско-упругий живот. Лаверия, вызывающе распластавшись перед Ксандром, кидалась бедрами ему навстречу. Потом, отдохнув, окинула своими пропащими черными глазами, изошренно лаская, опять растормошила усталого офицера. Интересно, откуда Лаверия знает все эти штучки? Ксандр приподнялся, нагнул спину – она упала на локти, оттопырив бесстыдно распахнутые половинки зада. Офицер яростно толкал животом ее ягодицы, вымещая на хрупком теле куртизанки всю накопленную злость. Лаверия качалась туда-сюда, как дятел, долбила головой спинку кровати в такт сопящему сзади офицеру. (Ну и здоров же бык, разбудоражила его себе на... Все проклятый, чумной темперамент – когда-нибудь он и погубит.) Она, закатив глаза, заорала – Ксандр будто рвал изнутри. И многоопытная, бывалая продавщица короткого счастья даже на несколько мгновений потеряла сознание. Пламя свечи догорало, Ксандр почти заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.